

**Тема: «Воспоминания участников о Великой
Отечественной Войне как исторический
источник»**

**Стрембицкая Юлия Сергеевна
МБОУ СОШ № 6**

**2019 г
Г. Выборг**

СОДЕРЖАНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	4
1.1. Воспоминания участников Великой Отечественной войны как исторический источник	7
1.2. Историография исторических источников	28
II ГЛАВА. ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.	32
2.1. Общая характеристика исторических источников	32
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	37
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ	39
ПРИЛОЖЕНИЕ	41

Введение

В истории мировых войн не найти более ожесточенного, масштабного, разрушительного и кровопролитного противоборства, чем то, которое выпало на долю народов СССР в годы Великой Отечественной войны. Война 1941 - 1945 гг. с фашистскими агрессорами определила судьбу не только России, но и многих других народов и стран, в том числе таких развитых сейчас государств как Швеция, Англия, Франция, Голландия, Бельгия и др.

Война – это всегда тяжелое испытание, как для страны в целом, так и для каждого отдельного человека. Однако война несет с собой и мощное пробуждение сознания. Например, опыт Великой Отечественной войны показал, что человек на войне был не советским, а русским - а это большая разница. Патриотический дух Русского Народа проявился уже в первые месяцы войны и остался с ним до самой победы.

Современного человека не может не заинтересовать вопрос, как среди ужасов военного времени людям удалось сберечь в себе истинно человеческое – доброту, любовь, сострадание. Ответ на этот вопрос дают и художественные произведения, написанные в тяжкие годы Великой Отечественной войны, и воспоминания ее непосредственных участников.

Исходя из изложенного, тема «Великая Отечественная Война в воспоминаниях её участников как исторический источник» является **актуальной**.

Целью данной работы является ознакомление с воспоминаниями участников о Великой Отечественной войне как историческим источником, оценка информационных возможностей воспоминаний как источника по истории Великой Отечественной войны.

Исходя из поставленной цели, основными **задачами** работы будет:

- охарактеризовать мемуарные источники по истории Великой Отечественной войны;
- проанализировать полученную информацию и дать ей историческую оценку;
- Собрать воспоминания ветеранов ВОВ как исторический источник

Методы исследования:

В исследовании был использован метод опроса, источниковедческий анализ.

Информацию о ветеранах предоставил музей МБОУ СОШ № 6 и СМИ.

Объект исследования: события Великой Отечественной войны, отражённые в воспоминаниях участников ВОВ как исторический источник.

Предмет исследования: информация, содержащаяся в воспоминаниях ветеранов, участников Великой Отечественной войны, работников тыла как исторический источник.

ГЛАВА I. ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Война - сложное и многогранное явление. Она - не просто строки в учебнике истории и не просто конфликт стран. Порой войны решают судьбы народов, создают и низвергают государства, полностью меняют жизнь людей. В войнах рождаются страны, определяется историческая судьба той или иной державы.

У многих стран в их прошлом есть такая война, которая надолго остаётся священной в памяти народа, даже если длилась она сравнительно недолго. Часто такие войны называют Отечественными, что отражает их большое значение для страны. Для России такой войной стала Великая Отечественная, длившаяся с 1941 по 1945 годы. Разгром фашистской Германии стал одним из самых значительных военных событий прошлого века, событием поистине всемирно-исторического масштаба. Эта война была самой кровопролитной в истории нашего государства, она отразилась на судьбе, как всей страны, так и практически каждой семьи в СССР, оставив неизгладимый след в сознании многих людей и став для них важным событием личной биографии, разделив всю жизнь на периоды «до» и «после».

Прошло уже немало лет, а интерес к войне не угасает до сих пор. Несмотря на огромное количество документов, воспоминаний, источников, в истории этой войны сохраняется немало «белых пятен», которые вызывают нешуточные споры среди исследователей. Рассекречивание военных архивов, новые обнаруженные факты позволяют постепенно выяснять истину по поводу того или иного события, но и одновременно создают почву для развития многочисленных псевдонаучных теорий, более близких к фантастике.

Изучение военного прошлого - дело довольно сложное, требующее кропотливой работы исследователя по обработке множества доступных источников. В современных исследованиях обозначился интерес к проблеме человека в истории, его места в ней. Картина войны, основанная только на скрупулезном перечислении происходивших событий, будет неполна без оценок, воспоминаний и интерпретаций определенных событий Великой Отечественной войны самими их участниками и очевидцами. С этой целью в настоящее время активно изучаются источники личного происхождения, служащие для расширения глобальной картины войны и понимания психологии человека на войне (мемуары, письма и пр.). Исследование воспоминаний людей фронтового поколения расширяет границы изучения войны, переносит акценты с фактической стороны явления в плоскость личного восприятия, что дополняет имеющиеся знания об истории Великой Отечественной войны.

Особое значение для исследователя имеют мемуары военных командиров и полководцев, как людей, принимающих самое непосредственное участие в управлении войсками и определяющих тактику ведения боев. Они располагали наиболее точными сведениями о составе и расположении войск, вооружении, обеспечении армии, о войске противника. Они, с высоты командирского опыта и знания, могли наиболее объективно оценить все факторы, влиявшие на победы или поражения, происходившую ситуацию. К тому же, мемуары военачальников обычно довольно объективны и точны. Все это делает их важным источником по изучению Великой Отечественной войны, а значит, весьма необходимыми для современных исследований.

Таким образом, исследование воспоминаний фронтовиков, людей переживших войну как исторического источника - важно и актуально в современной ситуации.

На базе городской организации ветеранов войны была создана Выборгская общественная организация ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и государственной службы. Событию предшествовал длительный подготовительный период, начало которому положила Учредительная конференция Всесоюзной организации ветеранов войны и труда, состоявшаяся 17 декабря 1986 года в Москве.

Одним из важнейших принципов строительства новой общественной организации явился принцип единства народа и армии, успешно прошедших жестокие испытания в годы Великой Отечественной войны. Именно такая организация была призвана стать носительницей и боевых и трудовых традиций советского народа, сохраняя для потомков историческую память о советском периоде истории нашего Отечества. Это общая задача ветеранов войны и труда.

В постановлении конференции Выборгской районной организации были определены задачи и основные направления деятельности. Главные из них: оказание помощи местным органам партийного и государственного руководства в выполнении задач ускорения социально-экономического развития, вовлечение старшего поколения в активную общественно-политическую жизнь, в работу по патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи. Особое внимание предполагалось уделить подготовке молодых людей к службе в Вооруженных силах. Намечалось активизировать пропаганду трудового опыта.

В силу известных изменений, произошедших в стране, основной задачей организации стала защита социальных прав ветеранов. По-новому,

более масштабно, встала задача патриотического и нравственного воспитания молодого поколения.

В последний период много времени уделяется укреплению единства и сплоченности всех составляющих структур ветеранской организации как важнейшего условия дружной, результативной работы.

В настоящее время нашу ветеранскую организацию представляют 70 первичных организаций. Главным руководящим центром является Совет ветеранов, который представлен 25 членами совета. Исполнительным органом является президиум Совета ветеранов. Коллективными членами организации являются секции: воинов-афганцев, блокадников, жителей Выборга, родившихся в 1939-1941 годах, малолетних узников фашизма.

В достижении своих целей организация поддерживает тесное сотрудничество с администрациями МО «Выборгский район», руководителями предприятий, учреждений, депутатами разных уровней, СМИ.

Среди практических дел ветеранской организации есть и такие, как открытие памятной стелы воинским частям, получившим наименование «Выборгских» (площадь Выборгских полков); установка мемориальной доски, увековечивающей память 30 Гвардейского Краснознаменного Ленинградского общевойскового корпуса (ул. Северный вал, 11); издание книги воспоминаний участников Великой Отечественной войны, проживающих на территории Выборгского района, «О войне и о себе». Мы имеем и свой печатный орган – газету «Ветеран».

Роль и задачи организации в жизни и деятельности пожилых людей возрастают. Организация востребована как никогда, она занимает достаточно прочное место в общественной структуре Выборгского района. Задача актива ветеранов - повсеместно совершенствовать формы и методы нашей работы, вовлекать новых членов из рядов пенсионеров.

Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны как исторический источник, проживающих на Выборгской земле

...Сверкая блеском стали

Человечество стремится удержать в памяти события и факты, свой опыт и неудачи, чтобы учиться на них. Однако они, как воды в реке, уходят и забываются. Прошло уже более шестидесяти лет после знаменитой «битвы моторов», какой было сражение на Курской дуге.

Сегодня передо мной лежат документы о мужестве. Это мемуары наших выдающихся военачальников. Карта боевых действий на «Огненной дуге», подаренная мне на встрече ветеранов. Собственные воспоминания тоже имеются.

...Претерпев ряд не просто неудач, а сокрушительных поражений, Гитлер решил отрезать Курский выступ, выдвинувшийся далеко на запад. Ему необходимо было доказать всему миру, что прежние неудачи — это просто досадная случайность в победоносных действиях вермахта.

Я смотрю карту боевой обстановки под Белгородом на 5 июля 1943 года и нахожу там наш 4-й Гвардейский танковый корпус генерала А.Г. Кравченко, действовавший в составе 6-й Гвардейской армии. Попутно замечу, все мы были в первой десятке гвардейских соединений, И Сталин знал, кого надо ставить на особо опасный участок фронта... Да и нас, гвардейцев, такое доверие обязывало.

5 июля фельдмаршал фон Манштейн обрушил свой таранный удар на наши соединения. Еще 4 июля 1943 года, как пишет в своих мемуарах командарм 6-й Гвардейской армии И.М. Чистяков, в 16 часов 75 фашистских бомбардировщиков обрушили свой смертоносный груз на головы наших воинов, пытаясь штурмом пробить коридор в нашей обороне для своих «тигров», «пантер», «Фердинандов» и дивизий СС.

Помню, как впереди немецкой пехоты ползли «тигры» и «пантеры»... Мой друг, ленинградец, летчик-штурмовик Виталий Андреевич Трош-ков рассказывал, что был вынужден поднимать свой «Ил-2» на высоту более 800 метров, так как в ином случае мотор самолета мог заглохнуть от дыма и пыли (рабочая высота «Ил-2» не должна была превышать 300-400 метров над землей).

А что видели мы, танкисты, на земле, в свой пожелтевший триплекс? В десяти метрах были видны, лишь силуэты танков, и это в лучшем случае. Пехоту не видели вообще. Можно свободно было напороться на противотанковое орудие, на орудие немецкого танка. Крепкая была лобовая броня у наших «тридцатьчетверок». Но дело было в другом. При попадании снаряда в броню машины с внутренней ее стороны летела окалина, и экипаж танка мог остаться без глаз. Ранений не видно, а человек уже мертв...

В первый день, 5 июля, за 20 часов своего наступления противник вклинился на 8-10 километров. Много это или мало? Кое-кто сегодня

подумает: «Ну вот, а еще гвардейцы. Бежали, как зайцы». Ну, ладно. Сейчас я таких разочарую. Давайте полистаем послевоенную книгу фельдмаршала Эриха фон Манштейна «Утраченные победы». Он там пишет, что темп наступления его войск в 1941-1942 годах был в сутки от 60 до 70 километров. И это считалось средней нормой. И еще одна деталь из тех же мемуаров фельдмаршала. Когда он в своей книге пишет о боях своей 11-й армии в Крыму, то описание этих успешных для него боев занимает полкниги. А вот о великой «битве моторов», когда Гитлер собрал в кулак все свои силы и хотел взять реванш за прошлые поражения, фон Манштейн уложил свои воспоминания об этом всего на двух с половиной страничках. Очень было неприятно фельдмаршалу вспоминать, как после 12 июля он драпал (фронтное выражение) по 30-35 километров в сутки. А нас он за две недели смог потеснить только на 36 километров, да и то не по всей линии фронта. Вот вам, читатель, и «зайцы-гвардейцы».

Сегодня можно лишь пожалеть о том, что гибли храбрые, талантливые, смелые люди. А что видели в этом аду на земле мы, рядовые сержанты, солдаты, младшие офицеры? Мы своих находили в машинах по полуобгоревшим номерам на танковых башнях. Люки приходилось открывать при помощи автогена, а там, внутри, на сгоревших сиденьях сгоревшие наши товарищи. Только дотронься — и человек превращается в пепел. Плавилась ордена и медали, сгорали люди, может быть, даже имевшие возможность покинуть танк. Но лучше смерть в родной «тридцатьчетверке», чем плен.

Как мы «работали» на этой войне? Выходя из боя, если повезло остаться живым, заправлялись горючим, боеприпасами, но надо было еще очистить траки. Поливали траки солярой. Это был наш, танкистский «одеколон». А еще надо было выполнить свой последний долг — похоронить погибших товарищей, с кем ты еще вчера делил из солдатского котелка армейский суп.

Ну вот, почти и все то, что мне удалось увидеть через желтоватый смотровой триплекс на огненной Курской дуге. А потом меня тяжело ранило. Оторвало правую ногу выше колена, крепко зацепило левую руку, контузило. И поехал я по госпиталям нашего Великого Союза, которого сегодня уже нет.

Вот так, дорогой читатель. Много было и хорошего, и плохого, не было только у нас «дедовщины». Это слово мы узнали после Великой Отечественной войны. Я приведу такой пример. Экипаж наш был интернациональный. Командир машины Володя Лымарь — украинец. Заряжающий — белорус Федя Шабатура, стрелок-радист — татарин Фаттах Шигапов и я — природный тверяк, русский — механик-водитель. Попробовал бы тогда кто нам придумать «дедовщину»!

А в 1943 году в августе Родина-мать салютовала нам, говорящим на разных языках и отлично понимавшим друг друга, первогвардейцам 20-й, артиллерийскими залпами из 224 орудий. Ни за Москву, ни за Ленинград, ни за Сталинград никому такой чести не оказывалось. Нам — первым. За храбрость, взаимопонимание и товарищескую выручку.

Есть танкистская поговорка: «Порядок в танковых войсках». Очень надеюсь, что и сегодняшние танкисты четко соблюдают этот порядок.

Б.И. Шувалов участник Великой Отечественной войны
г. Выборг

ПОСЛЕ ДЕСЯТОГО КЛАССА... БЫЛА ВОЙНА

На каком бы торжественном мероприятии ни появилась эта красивая, элегантная и миниатюрная женщина, раздаются восхищенные голоса: «Смотрите, сколько наград!»

Да, наград много, и даны они за тяжелый труд фронтового санинструктора, за стойкость и отвагу при обороне Ленинграда.

...Наш санинструктор — Вера Лабутина. Ей семнадцать лет, еще совсем девчонка, но войны уже хватило изрядно. Ее добровольцем не брали. Она отправилась на фронт со студенческим батальоном, вооруженным японскими винтовками «арисака» и канадскими, похожими на фузеи.

Под Кингисеппом батальон разнесло вдребезги, уцелели только Вера и еще старик старшина, швейцар института. Они вернулись в Ленинград, Вера случайно набрела на наш дивизион, который тогда переформировался в Казачьих казармах, и осталась. Из документов у нее был комсомольский билет и справка об окончании курсов медсестер. Ее назначили в нашу батарею.

Вера маленькая, очень тихая и какая-то ко всему равнодушная. Придет в землянку, сядет в угол, плотно сдвинув колени, положит на них ладони и сидит весь вечер, не шелохнувшись и не улыбнувшись. Глаза у нее серые и очень грустные. Брать ее на работу за «колбасой» не хотелось, но командир батареи сказал, что здесь, на позиции, случись что, можно вызвать из дивизиона. А там мы будем одни.

...Моросил мелкий холодный дождь. Вдоль шоссе редко и беспорядочно рвались снаряды. Проехали мимо больницы имени профессора Фореля, и я невольно вспомнил забавную историю.

Орудийные номера шептались между собой и со злобой поглядывали на меня, Вера Лабутина сидела в кузове второй машины и равнодушно следила за происходящим.

Тяжелый снаряд угодил в больничную землянку, битком набитую людьми, Наша Вера бросилась туда, к развороченным бревнам и кричащим людям. Потом ей на помощь подоспели другие санитары, и я отозвал Веру перевязывать наших раненых.

Я помог ей оттащить раненого трубочного первого орудия в воронку. Он стонал сквозь зубы, чертыхался.

Если откровенно говорить, то лучше всех нас в этом переплете держалась Вера. Она как-то призналась, что ей ничуть не страшно, когда рвутся вражеские снаряды. А вот когда стреляют свои пушки, она почему-то боится.

И вдруг наводчик второго орудия Словакии с криком упал и начал корчиться. Вера была рядом, распорол сапог и перевязала ногу, раздробленную пулей. Мы, десять человек, стояли вокруг Словакина все время, и как это шальная, на излете, пуля, миновав нас, угодила в него? Вера сказала, что наверняка боец останется без ноги.

...У меня теперь превосходный «ТТ» выпуска 1940 года с двумя обоймами. Его мне подарила Вера Лабутина. Отозвала в сторонку, порылась в санитарной сумке и протянула мне пистолет в добротной кожаной кобуре.

— Берегла. Хотела Марине подарить на прощанье, когда пойдет на большое дело. Не успела.

— Оставь себе. У меня четыре штуки.

— Возьми. Все-таки командир огня, и без личного оружия. А мне он не пригодится.

У нас с Верой хорошие отношения, но особых симпатий мы друг к другу не питаем, а подарила она мне пистолет, видимо, в благодарность за то, что ничего никому не сказал об одном случае. А было так...

...Мы с ней шли через развалины Авиагородка. Оба возвращались из штаба дивизиона. Я ходил требовать зимнюю смазку для орудия. Вот-вот усилятся морозы, и летняя смазка замерзнет. А Вера выпрашивала медикаменты. Ей немного дали, а мне заявили, что зимней смазки на складах нет.

Светило солнце Снег искрился и визжал под сапогами. Было тихо. И вдруг перед нами взлетели огромные столбы земли. Загрохотало, стало темно. Мы с Верой забились в какую-то яму. На нас сыпались мерзлая земля и кирпичная пыль. Потом я понял, что мы попали под огневой налет дальноточной артиллерии, снаряды ее падают со скоростью звука, поэтому сначала видишь взрыв, потом слышишь визг. И после долетают звуки выстрелов.

Что-то душило меня и влажное, горячее трепетало в ухе. Чуть очухавшись, я понял, что Вера, прижавшись ко мне, торопливо шептала: «Погибаем за Родину... погибаем за Родину».

...А на южном склоне Пулковских высот, в разрушенной оранжерее, что находится на нейтральной полосе, вдруг расцвели цветы. Их раньше высаживали под стеклами, удобряли, подкармливали. А война разнесла вдребезги стеклянные крыши, перепахала землю осколками. Потом навалилась злая зима. И, видимо, только назло войне, вопреки беде и лишениям, вдруг за бурьяном и чертополохом, среди воронок и истлевших трупов, у ржавой и перепутанной колючки оранжерейные цветы взяли и гордо подняли свои красивые головы. Ребята с соседних полков и дивизионов стали лазать над ними, собирая букеты для девчонок из медсанбатов и телефонисток. Меня возмущала эта безрассудность. Рискованная, никому не нужная романтика и сентиментальщина. Я возмущался долго, до тех пор, пока сам не полез на нейтральную полосу за цветами.

Большой букет увядал в моей землянке, а Ольга не находилась. Тогда я полез во второй раз и набрал букет для Веры в память за подаренный пистолет.

Вера растерянно отшатнулась. Взяла букет, словно мину, понюхала, покраснела и призналась, что ей еще никто и никогда не дарил цветы. Это правда. Когда мы выросли, то почему-то считалось мещанством одеваться по моде и дарить девушкам цветы.

А сейчас считалось доблестью поднести цветы, добытые с нейтральной полосы.

...Знакомых на батарее осталось мало, одни убиты, другие в госпитале, третьих отчислили. Но старшина остался и встретил меня как старого друга. Вера Лабутина очень похорошела, налилась силой и красотой...

Из книги Вадима Инфантьева «После десятого класса »

— об участнице Великой Отечественной войны Вере Лымарь (Лабутиной)

ВСЕГДА В БОЕВОМ СТРОЮ

В октябре 2006 года Александру Николаевичу Юдину исполнилось 90 лет. Он, как и всегда, по жизни энергичен, на все проблемы имеет свою точку зрения. Активно работает в Совете ветеранов. Войну прошел, как говорят, «от звонка до звонка».

Службу в Красной Армии он начал в 1937 году по призыву, а в 1938 году по комсомольской путевке уже осваивал профессию артиллериста в Томском военном артиллерийском училище.

Александр Николаевич вспоминает :

Комсомольские наборы в то время были во все рода войск, и молодежь с удовольствием откликалась на требования времени. А время было грозное. Хотя о войне никто официально не говорил, но чувствовалась какая-то напряженность, настороженность.

Учеба давалась легко. Курсанты с глубоким интересом изучали военное дело. Время летело быстро, и в декабре 1940 года я уже лейтенант, командир взвода управления артиллерийского полка в Забайкалье.

Первые часы войны встретил дежурным по лагерю в Белостоке, в 30 км от границы.

В 4 часа утра лавина самолетов своим гулом разбудила лагерь. По тревоге полк вышел в район сосредоточения и занял огневые позиции.

Пока командиры оценивали обстановку, стало понятно, что противник колоннами пехоты и танков, без применения оружия, углубился на нашу территорию. Поступила команда на передислокацию, и мы практически параллельными с немцами колоннами выдвинулись в указанный нам район.

...Первые дни войны для наших частей я бы охарактеризовал как непонятные. Обстановкой никто из нас, младших офицеров, не владел. В

мелких стычках с подразделениями противника в течение пяти дней мы израсходовали весь боекомплект. Поступлений не было, и иногда мы на себе ощущали неприязненное отношение со стороны стрелковых частей, которым были приданы.

3 августа Александр Николаевич получил «боевое крещение» — осколочные ранения в ногу и голову. Артиллерийский полк обстрелял колонну немцев, в ответ принял на себя ураганный огонь из всех видов артиллерийского оружия. Были убитые и раненые.

После излечения А.Н. Юдин — в составе Сибирской дивизии, в должности командира батареи 659-го стрелкового полка, в районе города Калинина.

Тяжелый бой под Ржевом многому научил и рядовых, и офицеров. Хотя морально молодежь в подразделениях и рвалась в бой, но боевого опыта не хватало. Юдин вспоминает:

В моей батарее оказалось два человека, получивших ранее опыт ведения боевых действий, в том числе и я. Поэтому для нас организовывали встречи с личным составом подразделений, где мы как бывалые воины учили необстрелянных практическим действиям номеров в боевой обстановке.

В конце концов, я взмолился, чтобы освободили меня от этих мероприятий, поскольку надо было решать вопросы подготовки личного состава батареи, где я был командиром.

...Не любили наши воины окапываться по всем правилам инженерного дела, и из-за этого несли большие потери. Но с 1942 года рубежи, на которых мы вели бои, были перепаханы вдоль и поперек траншеями, ходами сообщений, блиндажами. Практика, она учит основательно и убеждает мгновенно. Как пример: станцию Мостовую подразделения брали три раза, село Карловка четыре раза переходило из рук в руки.

За взятие населенного пункта Нелидово Александр Николаевич был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

До середины 1942 года трудно было и с боеприпасами и с продовольствием, хотя сухари имелись в большом достатке.

Жили и отдыхали, как правило, в окопах и блиндажах, но по словам Юдина, никто не болел ни инфекционными, ни простудными заболеваниями. Каких-то специальных лекарств не было. В качестве профилактики медики делали настой хвои, который пили перед едой.

Контроль за этим был жесткий: выпил свою порцию настоя, получишь паек, другого не дано.

В апреле 1943 года А.Н. Юдин уже командир дивизиона в районе Орла. Готовилась Курская битва. Каждое орудие имело уже два боекомплекта. Александр Николаевич продолжает рассказ:

Войск в этот район было стянуто немерено. Требовательность была высочайшая, каждый стремился выполнить мгновенно любую команду командира. Артиллерия постоянно находилась в боевых порядках стрелковых частей, и взаимодействие между артиллерией и пехотой было доведено до высшего предела. На тяжесть войны никто не жаловался, хотя не досыпали и постоянно делали тяжелую работу: окапывались, тащили на себе

тяжелые орудия, ящики с боеприпасами. Надо отдать должное, что в этом аду не терялись, не раскисали, и все, до последнего солдата, верили в успех, в победу. О жизни и смерти как-то не задумывались в горячке боя, особенно молодые ребята.

В августе 1943 года за активное участие в боях на Курской дуге грудь Александра Николаевича украсил орден Отечественной войны I степени, за взятие населенных пунктов Грива и Дунино был вручен второй орден Отечественной войны I степени. Бои в Карпатах были отмечены очередным орденом Отечественной войны II степени.

Вместе со своим артдивизионом А.Н. Юдин участвовал в освобождении Будапешта, а День Победы встретил в Австрии.

Не обошлось одним ранением. В 1944 году, находясь в боевых порядках стрелкового полка, в результате артналета противника получил осколочное ранение в бок. Он рассказывает:

Что интересно, в ходе войны росло профессиональное мастерство военнослужащих всех видов и родов войск, в том числе и медиков. После первого ранения я в операционную попал только на третьи сутки, а после второго — через 30 минут.

Вспоминается и интересная встреча с англичанами, которая была организована в Австрии. В старинном замке. В общем зале столы были поставлены буквой «П», около них расставлены стулья в два ряда. В первом ряду, как дань уважения, посадили представителей Красной Армии, во втором — военнослужащих британской армии. Встреча продолжалась 40 минут.

После войны А.Н. Юдин продолжил службу в Вооруженных Силах вплоть до 1962 года: заместитель командира артполка в Одесском округе; высшие артиллерийские курсы в Ленинграде; командир арт-полка на Дальнем Востоке; более шести лет службы в Китае, боевые дежурства на границе с Кореей в период американо-корейской войны; командир полка в Эстонии.

С 1962 года — после увольнения в запас — и до 1993 года — работа в Выборгском училище гражданской авиации в качестве командира роты, а затем заведующего лабораторией.

Не может Александр Николаевич сидеть без дела. Сегодня он председатель правления садоводства «Космос» и председатель секции участников Курской битвы в Совете ветеранов. Он полон планов, ведет активную работу по патриотическому воспитанию молодежи, всегда рад встрече с курсантами родного ему Выборгского училища гражданской авиации.

Воспоминания участника Великой Отечественной войны

А.Н. Юдина

записал В.Ф. Остапчук

полковник запаса

г. Выборг

Трудный характер

Дина Николаевна Ковалева давно уже на заслуженном отдыхе. Но вряд ли это можно назвать отдыхом. Она член Совета ветеранов, с первого дня его создания и до сегодняшнего дня, инициатор и организатор кружка «Умелые руки», хора ветеранов, литературного кружка «Истоки», комитета «Солдатская мать», кружка «Садоводы-любители», выставки овощей и цветов. Она принимала самое активное участие в издании «Книги памяти».

С каким бы вопросом к ней не обращались, всегда доводила дело до конца, она человек слова и дела, палочка-выручалочка в Светогорске.

Дина Николаевна эрудирована, принципиальна, доброжелательна. Словом, она Человек с большой буквы! С ней, как говорится, можно идти в разведку — не подведет!

Очередному юбилею Дины Николаевны член литературного кружка «Истоки» Татьяна Павловская посвятила следующие строки:

Голова уж давно поседела, И, казалось, пора на покой... Но душа снова жаждет дела — Беспокойный характер такой!

Что года, юбилейные даты?! Их не стоит сегодня считать: Ветераны, девчонки-солдаты, Вам до смерти теперь воевать!

Мы гордимся землячкой своею И надеемся долго дружить, Ведь «Истоки» совсем не стареют, И не могут истоков забыть.

О том, что пришлось испытать ей — тогда еще Дине Качаловой — за прожитые годы, как проявляла она свой действительно «беспокойный» характер, рассказывал еще пятьдесят (!) лет тому назад в своей газетной статье сахалинский корреспондент Петр Демидов. Ниже — его рассказ.

...Еще там, в глухой вологодской деревеньке, сельчане звали ее девушкой с норовом. А ведь ей было едва-едва шестнадцать: «Качалова? Это Динка, что ли? К ней просто не подойдешь». И покачивали головами, и улыбались. То ли осуждая, то ли завидуя. А Динка носилась по деревушке во главе ватаги девчат и парней. У нее вечно не хватало времени, она вечно куда-то спешила. И все успевала.

Пришла война. Бабы собирались то в одной, то в другой избе: в пустом месте не сиделось. Где-то рвались снаряды, где-то умирали люди, а здесь, на Вологодчине, небо оставалось, таким же синим, таким же мирным. Не верилось, что по стране бродит большое горе. Так же стрекотали в поле косилки и люди скирдовали сено. Разве только мужчин не было видно.

Ближе к обеду или к концу работы на тропинке появлялась тоненькая девушка, почти девочка, с небольшой книжкой в руках. У книжки было короткое название — «Таня». Девушка читала рассказ о комсомолке, которая отдала жизнь своей Родине, а женщины слушали, и по лицам их текли слезы. Девушка спешила дальше к другой бригаде. Она обходила большое поле каждый день. И каждый день плакали люди. Слез девушки они не видели: за долгий путь от бригады к бригаде высыхали девичьи слезы.

Утром Дина вновь приходила на работу, в сельсовет, и с трепетом ждала почту. Чего бы не отдала она тогда, чтобы в село больше не приходили это

страшные лаконичные письма. «Ваш муж... ваш сын... смертью храбрых...». Но письма приходили. А секретарь сельсовета Дина Качалова разносила их по домам.

За эти месяцы, что шла война, она увидела столько горя, что улыбка больше не появлялась на ее лице. Пропал Саша, брат. Верно, погиб. Она разносила письма по домам и перестала делить горе на чужое и свое.

Когда решила уйти на фронт? Быть может, после «Тани». А может, когда пришло письмо от Саши. Он был с партизанами и сейчас находился в Смоленске на переформировании. В военкомате ее подняли на смех. Но Дина не отступила.

Поезд—это было ее первое путешествие — привез Дину в незнакомый город. А накануне часть, в которой служил брат, покинула Смоленск. Дину приписали к другому полку. Вскоре с дипломом медицинской сестры, окончившей с отличием курсы, она предстала перед командиром части.

Да, война ей казалась немного не такой. В действительности все было гораздо будничней, проще. И страшнее именно своей простотой. Люди погибали просто, так же просто их хоронили. А живые снова принимались за свое трудное дело — войну. Горевать было некогда.

...Этот день выдался особенно тяжелым. Бой был в разгаре, и санитарки едва успевали вытаскивать раненых. Солдат лежал на спине, закрыв глаза. Дина приподняла его за плечи, фельдшер стал накладывать повязку: «Отвоевался, браток. На одной ноге далеко не уйдешь». Дрогнули руки девушки: «Без ноги? А жить как?» Фельдшер глянул на нее, губы тронула грустная улыбка: «Мала ты еще, глупа, голуба».

Вечерело. После оглушительной канонады, казалось, наступила полная тишина. Дина возвращалась в расположение части. Снова загудел воздух. Черными столбами ответила земля. Дина подняла голову: «Ага, шахматным кроет». Она знала, как уходить от такого обстрела. Ее научили. Девушка побежала. Чуть справа и впереди вздыбилась почва...

Она медленно открыла глаза. Над головой бездонная голубизна неба. Справа и слева серебром искрится снег. «Как в храме». Хотя в храме никогда не была. С холма спускались двое в маскхалатах. «Немцы! Живой не дамся». Вспомнилась Таня. В санитарной сумке лежит ТТ. Попробовала дотянуться и снова потеряла сознание. Она не чувствовала, как люди (к счастью, это оказались наши) подошли к ней, бережно положили на плащ-палатку. Очнулась только на операционном столе:

— Ну, вот и все, — хирург наклонился над Диной. — Теперь — отдыхать.

— Тебя как зовут? — спросили раненые бледного стриженного «паренька».

— Динка.

— Димка, значит? Димка так Димка.

«Димка» пролежала в госпитале долго. Рана заживала плохо. Нога цела, но осколок разворотил коленную чашечку. Врач осматривал и хмурился: «В полевом госпитале вам не место, поедете в тыл».

Раненые с удивлением провожали своего «Димку», носившего странную фамилию — Качалова: «Весело же ей было слушать нас!»

Да, тогда она очень переживала — рвалась на фронт, но санитарный эшелон направлялся в другую сторону, на восток, в Казань. Но и там ей не стало легче. Вскоре началась гангрена. Снова операционная. А когда Дина пришла в себя, у нее не было ноги.

Началась другая жизнь, незнакомая, чужая, беспросветная. Стоило ли начинать ее? Она задумывалась. Стоило! Но как? Как отворить двери этой новой жизни? Руки заняты костылями.

В родной деревне встретили слезами: «Да кому же ты такая нужна?», «Да кто на тебя посмотрит?» Она старалась не слушать. Эти добрые люди не понимали, что убивали в девушке веру в свои силы, убивали желание жить. Через два дня она уехала.

...Директор Вологодского медицинского училища с удивлением глянул на вошедшую. Девушка на костылях, в серой, выдавшей вида шинели молча положила на стол заявление.

— Какая же из тебя медсестра? За тобой нянька нужна!

— Какая? — румянец медленно заливал щеки Дины. — Мало того, что вы примите меня, так еще и на второй курс. У меня за плечами война.

Она добилась своего. Через два года Дина Качалова держала в руках диплом с отличием. Эти два года она упорно училась медицине и умению обходиться без костылей.

Так началась новая жизнь. Следующие два года медицинская сестра Качалова отдала лаборатории. Но ей было тесно в четырех стенах. Она тянулась к людям. Только с ними она чувствовала себя по-настоящему хорошо, жила полной жизнью. И нужно было учиться.

Однако жизнь вновь приготовила ей испытание. В Ленинградский медицинский институт она не попала. Ее стали агитировать поступить в новый, технологический институт. Выхода не было. Одна, в чужом городе, без друзей, без денег. Согласилась.

Она не была круглой отличницей. Сессии сдавала, жила, как большинство, на стипендию. Но не было в институте человека, который бы не знал Дину Качалову. В деканате она добивалась для студентов разрешения пересдать «хвост», у директора «выбивала» для товарища место в общежитии. На партийных собраниях коммунист Качалова одной из первых брала слово, и провинившиеся готовы были провалиться сквозь землю. С ней было довольно сложно «договориться», — Думаете, ссориться надоело? Нет. Не из таких мы. Девочки мои школу кончают — я у них практику веду — вот и решили всем классом на комсомольскую стройку. И меня зовут.

Потом, будто отвечая себе же, добавила:

— Пока не могу. Нам еще учиться и учиться! От вопросов удержаться было трудно.

Так я узнал, что муж Дины Николаевны, Александр Ковалев, учится на втором курсе института. Узнал, что еще совсем недавно, в 1954 году, он поступил в седьмой класс вечерней школы, что окончил за эти годы десятилетку и Московский техникум бумажной промышленности.

— А через два года намечено окончить институт, — Дина Николаевна улыбается. — Вот тогда можно и на комсомольскую.

Что можно ответить? Разве только позавидовать по-хорошему ее стремлению непрерывно идти вперед, как бы тяжело ни было. Да, в жизнь она входила по трудной дороге. Так уж сложилось, что все, буквально до мелочи, давалось с трудом, боем. И каждый раз она побеждала.

Сегодня она вспоминает об этом с улыбкой. Когда-то, было иначе. Дина со страхом ждала встречи с директором комбината. Боялась: опять предложит «теплое» место, лабораторию. Как надоело ей такое участие нечутких людей! В кабинет она входила под руку с товарищами. А подруга держала в руках палочку. Директор предложил ей место сменного мастера, а подруге — лабораторию. Дине было смешно и... хотелось плакать.

Не все получалось гладко. Не все и не всегда. Чаше это бывали конфликты с начальством. Резкая, порой до грубости, она не терпит малейшей фальши. Она чувствует ее всем нутром, каким-то шестым чувством. Тогда для нее не существует ни чинов, ни авторитетов. Что ж, не всем это нравится: «У Ковалевой трудный характер», — говорят тогда. Трудный? А когда давалась легко правда жизни, самая высокая и чистая на свете? Отдавать силы, весь пыл души любимому делу, людям — она поступала так всегда.

Она идет по жизни полным шагом, зажигая людей, увлекая их за собой. Честные у нее глаза, чистая совесть. И если ты не такой, становится совестно, и хочется походить на нее. Так говорят люди. А народ говорит только правду. Именно поэтому мне хотелось рассказать о Дине Николаевне, замечательном человеке с трудным характером.

П. Демидов Сахалин, май 1959

КАЗУСЫ ВОЙНЫ

Было это, как мне помнится, в октябре или ноябре 1943 года. Служил я в действующей армии начальником радиостанции 2-го стрелкового батальона 288-го стрелкового полка 94-й дивизии в составе 2-го Украинского фронта. События происходили где-то между селами Ворон-цовка и Нижняя Михайловка Кировоградской области.

Узел связи дивизии только что разбомбили, моя радиостанция погибла тоже, так как боец, который переносил ее, попал под минометный обстрел, мина разорвалась позади него, превратив новенькую радиостанцию, которую он переносил за спиной вместо ранца, в решето, но его не убило (рация защитила), а только ранило. Я остался один без помощника и аппаратуры, и меня прикомандировали в первый батальон к радиостанции сержанта Болтушина Емельяна Ивановича, моего фронтового коллеги. Он был чернявым цыганом, откуда-то из-под Брянска, 1923 года рождения, мы были почти ровесниками. (Погиб Емельян под Варшавой в 1945-м, и его старший брат Глеб Иванович, работавший после войны технологом на Брянском

металлургическом заводе, нашел меня и приехал ко мне на встречу в Ленинград.)

Рации 13-Р, начавшие тогда поступать в войска, были свинчены на шурупах из фанерных листов. При монтаже их были использованы детали и узлы от разобранных, реквизированных у населения в военное время вещательных радиоприемников. К рации подходили немецкие аккумуляторы, работавшие много лучше и дольше наших. Однако они были большего размера, и мы научились выламывать фанерные перегородки, чтобы вставлять туда «трофейку». На них мы выцарапывали свои фамилии. За этот маленький военный криминал, то есть зарядку нетиповых трофейных аккумуляторов полагалась мзда — бутылка полковому технику из технической obsługi.

Батальон сидел в окопах уже два дня, пытаюсь выбить немцев с высоты, обозначенной на картах как высота 111-1. Что в ней такого было, мы не знали. У батальона кончились почти все боеприпасы, кроме патронов, артиллерии не было, вернее, она была, но связи с ней не было, так как у Емельяна отказала рация — та самая 13-Р. В этот момент к нему в окоп прибываю я. Несколько минут возни с рацией ничего не дают — не работает, и все.

И тут началось весьма неприятное — у немцев появилась небольшая танкетка, которая начала весьма нагло ездить вдоль наших позиций и поливать их из пулемета, не давая никому высунуться. Видимо, немцы поняли, что артиллерии у нас нет и гранат тоже. Появились раненые.

К нам в окопчик прыгнул сам комбат и в очень неллицеприятных и не очень печатных выражениях проорал, что если через полчаса

рация не будет готова и артиллерия не будет вызвана, он лично застрелит нас обоих и похоронит в том же окопчике. Надо сказать, что я уже к тому моменту понял, что вышла из строя какая-то лампа или лампы в приемнике, так как Емельян имел обыкновение частенько пробовать аккумуляторы на «коротыш» и по запарке на секунду подал анодную батарею на накал, спутав провода. После этого рация и замолчала.

Вскрывать рации в ходе боя нам категорически запрещалось наставлением. Все же рискнули и начали вскрывать злосчастную радиостанцию, так как комбат был грозен и не шутил, а жить нам хотелось. Шурупы крутили ногтями и перочинным ножиком, который оказался у меня. Несколько раз танкетка проезжала и около нашего окопа, но он был глубоким, и поэтому мы особо не боялись нахала-немца, так как машина рисковала и завалиться в него при неосторожности.

Провозившись полчаса, мы все же открыли рацию и, каждую минуту ожидая сверху пули комбата, стали разбираться. Действительно, не работала лампа гетеродина, поэтому все было глухо. И в этот момент я вспоминаю уроки по радиосвязи в своей учебке и нашу преподавательницу, строгую Маргариту Васильевну. Лампа кварцевого калибратора!!! Вот наше спасение. Калибратор не особо нужен в данные секунды, полк мы и так найдем в эфире. Секунда — и лампа заменена. Ура, связь есть!!!

Через пять минут высотка оцетинилась черным забором разрывов нашей артиллерии. Танкетку тут же как ветром сдуло. Через час батальон уже сидел на высотке, немцы — как испарились, было их тут действительно немного. Это был мой первый боевой опыт ремонта радиостанции под обстрелом.

...В январе 1945 года 8-я армия Чуйкова форсировала реку Висла с огромными потерями. Поэтому нашей 5-й армии под командованием генерал-лейтенанта Берзарина было приказано выдвинуться и занять ее место.

Было это как раз в том месте, где река Пелица впадает в Вислу, самое устье. Наша армия заняла позиции уходящей в тыл 8-й утром, в пять часов. Накануне они форсировали реку, но не наступали. На этом берегу была Польша, на том — уже Германия. Висла в этом месте делает приличную загогулину.

Различие между Польшей и Германией было разительное. Если на этом берегу — разухабистая грязная проселочная дорога, так похожая на родные наши, то на том — классное бетонное шоссе, спускающееся к реке строго напротив грязной польской дороги. На этом берегу — покосившиеся и замурзанные бедняцкие польские хаты, в которых напихано невероятное количество обитателей. На том — аккуратные беленькие стандартные германские коттеджи из силикатного кирпича.

На реке стоял лед. Немцы еще не вполне опомнились от удара 8-й армии и не везде подтянули резервы. Многие их соединения поспешно отходили к Одере, чтобы занять последний рубеж берлинской обороны. К вечеру я пришел на КП батальона, так как туда приехал командир дивизии полковник Шестацкий — очень хороший человек. Забегая вперед, скажу, что погиб он после форсирования Одера, при освобождении концлагеря с нашими пленными: после открытия лагерных ворот заключенные толпой хлынули встречать освободителей и не заметили в толпе конвоира-эсесовца, который переоделся в лагерную форму и в упор расстрелял полковника из автомата. (В городе Дубоссары в Молдавии есть улица имени Шестацкого.)

На КП батальона были в тот момент и дивизионный радист, мой хороший знакомый старший сержант Федя Глушко, до войны он служил на Тихоокеанском флоте, и начсвязи моего 288-го полка капитан Чередниченко.

Приказа о наступлении не было, но он буквально витал в воздухе. Поскольку обстановка была неясной, быстро темнело, большинство офицеров решило заночевать на КП батальона. Я остался с ними, а со мной была рация РБМ.

В маленьком помещении землянки находилось человек двадцать, спали и на полу, и на столе, и под столом. Как вскоре выяснится, последняя позиция имела свои преимущества, и ее как раз занял Федя Глушко. Проснулся я от громкого командирского крика, люди вскакивали, метался луч света от сильного фонаря. Стрельбы не было, хотя всегда в таких ситуациях ожидаешь очередь из автомата или разрыв гранаты.

В помещение вошло много людей, кто-то уже торопливо разжигал коптилку-светильник. Большое начальство!!!

Мы с капитаном Чередниченко оказались прижатыми к стенке, где стояла аппаратура связи, вытянулись, как и все, во фронт. В отраженном свете фонаря, направленного на нас, я увидел коренастого человека в длинном кожаном плащ-пальто. В обладателе пальто, к своему ужасу, я узнал командующего фронтом маршала Жукова. Жуков был очень раздражен, если не сказать, в ярости, нашей неготовностью и спящим состоянием. Впоследствии я узнал, что в эту ночь он объезжал передовую на автомобиле и был подкараулен немецкой разведкой, закидавшей его группу минами. Автомобиль и средства связи были выведены из строя, а сам маршал, потерянный на время штабом фронта, был вынужден с группой и охраной пешком пробираться к расположению ближайшей части, которой оказалась наша...

Небрежно и с нетерпением выслушал он доклад командира дивизии, отвернулся от него и подошел вплотную к нам с начальником связи полка Чередниченко. В руке его играл кавалерийский стек — недлинная трость-палка с кожаным ремешком на конце, для взбодрения коня.

«Почему не наступаете?» — медленно и с угрозой в голосе сказал он, как бы обращаясь ко всем. В ответ было глухое молчание. «Связь, где связь?» — с еще большей угрозой обратился он к нашей группе, в которой поближе к нему оказался капитан Чередниченко. Капитан попытался что-то доложить маршалу, но был остановлен ударом стека по лицу. «Дайте связь!» — прошипел он, уже обращаясь ко мне и слегка замахиваясь во второй раз. Я стоял по стойке смирно, как изваяние, с остекленевшими глазами, так как хорошо знал по фронтовым рассказам легендарную лютость маршала, могущего сгоряча и пристрелить нерадивого или мародера. Выдавить хоть пару звуков в ответ Жукову было для меня делом безнадежным.

Жуков, видимо, верно оценил состояние молодого солдата и отвернулся, занявшись другими персонами. К нам немедленно подскочил один из его порученцев, связист. Он и вывел нас из ступора: «Ребята, связь, давайте немедленно маршалу всё, что есть». Я включил радиостанцию, подсоединил и настроил антенну. Кажется, я проделал все это, как фокусник, за несколько секунд. Поскольку я не знал ни частот, ни шифров штаба фронта, мое место занял полковник.

Вот это была какофония! Такого шума я, наверное, больше никогда не услышу. После первых условных фраз в микрофон тишайшая частота взорвалась буквально сотнями станций. Ставка нашла потерявшегося комфронтом! Вскоре подошли автомобили, и неожиданная делегация убыла.

Чередниченко замазал йодом полоску на своем лице, а больше всех был доволен Федор Глушко — все это время он не вылезал из-под стола и не был никем замечен... Он просто не смог физически это сделать после подъема на ноги всех спящих!

В.Б. Горбулёв
участник Великой Отечественной войны,
пос. Глебычево

МОИ ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ

Война для нас не была неожиданностью, и молодежь по-своему готовилась к ней, тем более что по всей стране работали всевозможные клубы: стрелковые содействия Красной Армии, аэроклубы. Атмосфера патриотизма пронизывала все общество.

Весной 1941 года я сдавала выпускные государственные экзамены в культпросветучилище и параллельно оканчивала годичные курсы медсестер районного отдела Красного Креста... Началась война — я добровольно обратилась в военкомат и в августе 1941 года была призвана в армию. В нашей семье чувство ответственности за безопасность и судьбу Родины было определяющим. Отец у меня был офицером, и это сказалось на принятии решения.

До зимы 1942 года я находилась в санитарно-эпидемиологическом отряде Волховского фронта.

Поступило предложение вступить в один из партизанских отрядов. Я согласилась, тем более, что это было связано с разведкой и диверсионной работой в тылу врага.

Два месяца шла подготовка. Учитывая то, что в разведку придется ходить в тыл врага, нас учили, как вести себя за линией фронта, чтобы не вызвать подозрений, что говорить при встрече с немцами (легенда, версия), как выйти из сложной ситуации, ориентироваться на незнакомой местности.

После учебы меня определили в отряд, сформированный из моряков Балтийского флота. Первое задание получили в мае 1942 года: нашей группе предстояло подготовить подрыв железнодорожного полотна на участке Оредеж-Батецкое. Группа должна была узнать, когда проходят немецкие эшелоны, какая охрана. Опыта у меня тогда еще никакого не было, поэтому ориентировалась на бывалых ребят.

В мои обязанности входило и оказание медицинской помощи раненым и больным. Что удивительно — находясь в тяжелых условиях, тогда мало кто болел.

После выполнения поставленной задачи нам разрешили выход. Дальше уже следовала работа подрывников. Мы вышли к реке Оредеж и попали в окружение. Месяц пришлось выходить из окружения. Страшно вспомнить, что нам пришлось пережить. Более месяца мы оставались без продовольствия, боеприпасов, медикаментов. Усугублялось все это еще и тем, что в этом районе находилась окруженная 2-я Ударная общевойсковая армия.

Немцы постоянно, днем и ночью, вели интенсивный артиллерийской обстрел, осуществляли налеты авиации. Естественно, мы несли большие потери, прибавлялись раненые.

В этом аду применялось и психологическое воздействие со стороны противника. Немцы сбрасывали связки пустых консервных банок, пустую металлическую тару, что создавало такой звон и свист, что болели уши.

В связи с тем, что район расположения 2-й Ударной армии был тесно блокирован немцами и с земли, и с воздуха, наша авиация не могла оказать нам действенной помощи.

Мы использовали оружие и боеприпасы как своих товарищей, убитых в боевых постоянных стычках, так и трофейные, а питались травой, древесным волокном, лягушками, полевками, так называемым подножным кормом. Ежи считались деликатесом. В промежутках между постоянными боями из шкур павших лошадей варили супы. Сухарей, которые предусматривались продовольственным пайком, давно не видели.

Командование отрядом вело постоянный поиск возможных проходов для выхода из окружения, а немцы с каждым днем уменьшали наше жизненное пространство.

Символично, что именно 22 июня, в годовщину начала Великой Отечественной войны, на одном из участков после кровопролитного боя и помощи со стороны частей Красной Армии был образован коридор шириной 400-500 метров, в который устремились те немногочисленные остатки подразделений и частей, партизанских отрядов, которые смогли каким-то чудом еще сохраниться. Обстрел шел со всех сторон: артиллерия, минометы, пулеметы, автоматы, бомбежка с воздуха. Это был ад крошечный.

Потом нам стало известно, что в этом окружении под Мясным Бором погибла почти вся 2-я Ударная армия, а ее командующий Власов сдался в плен. Единицы воинов вышли из действующих в этом районе партизанских отрядов. Те, кому удалось преодолеть этот коридор «Долины смерти» и выйти к своим позициям, были счастливы, что остались живы. Так я получила боевое крещение.

Вскоре после этих трагических событий, командованию партизанского движения, была поставлена задача, сформировать несколько десантных спецгрупп для поиска командующего 2-й Ударной армии и штаба армии, не вышедших из окружения. В это время еще не было информации об уничтожении штаба и сдаче в плен командующего. В одну из таких групп включили и меня.

Наступил день, вернее, ночь, отправки. Нас, личный состав группы, привезли на военный аэродром под Малой Вишерой. Инструкторы подогнали каждому снаряжение, ремни, лямки парашютов. Нас основательно нагрузили оружием, боеприпасами, продуктами и объяснили, как нужно действовать при прыжке из самолета, ведь ни один из нас до этого никогда не прыгал с парашютом, при этом десантирование производилось ночью.

Насколько* это была ответственная задача, говорит сам факт прибытия на аэродром командующего Волховским фронтом генерала армии К.А. Мерецкова.

В своем обращении к нам он напутствовал обязательно вернуться! И сказал, что мы достойны награды только за то, что улетаем во вражеский тыл с ответственным заданием. Последовала команда: «В самолет!» Взревели моторы, и мы оторвались от земли. Нас ждала неизвестность. Все притихли, и каждый думал, что нас ожидает на указанном квадрате в тылу врага. Еще

свежи были воспоминания выхода из окружения, перед глазами проплывали картины скоротечных боев, гибель друзей и товарищей. В основном, в группе были совсем молодые ребята, вчерашние школьники, студенты.

Как будто остановилось время, и вот команда: «Встать! Пошел!» Нервы напряжены до предела, мозг отчетливо работает на мобилизацию тела, мышц. Не показать слабость перед товарищами — главная задача каждого. А впереди в проеме люка «Дугласа» кусок темноты, пугающий своей неизвестностью.

Надо сгруппироваться, преодолеть предательскую расслабленность тела, а секунды упорно подгоняют — раз, два, три и... прыжок — очередной десантник исчез и растворился в неизвестности.

И тут сбой — впереди стоящий паренек по имени Март не смог преодолеть себя. Это стоило очередного захода самолета в точку десантирования. Стало страшно после этой заминки, как говорят, душа ушла в пятки.

Но чувство ответственности перед товарищами, перед поставленным заданием оказалось выше, сильнее предательского страха. И когда раскрылся парашют, я ощутила радостное, торжествующее чувство — я победила!..

В партизанской борьбе было много драматических и опасных моментов, и тот боец, командир, кто сумел победить в себе страх, выходил победителем в самых сложных ситуациях.

...Как-то возвращались с очередного задания. Небольшой группой пробирались к линии фронта. Были уже в партизанском крае. Подошли к деревне Гребло, что на Псковщине. Зима. Декабрь. Голодные, истощенные, мы вошли в деревню за продуктами. Не было у нас ни разведки, ни охраны. Послали меня в один дом. Открыла дверь женщина, звали ее Анна Трофимовна. Оказалась она ленинградкой, приехавшей в деревню на дачу, где и задержала ее война. Пришлось ей с девочкой остаться на оккупированной территории. (Замечу, к счастью, она уцелела, и мы с ней встречались после войны в Ленинграде.) Анна Трофимовна вытащила из печи лепешки и высыпала их мне в вещмешок. Только успела это сделать, как вошел в дом дед и говорит мне: «Уходи, дочка, немцы! Ребят-то ваших погнажи!»

Через двор, перепрыгнув высокий плетень, я оказалась в поле. Выстрелы к тому времени прекратились. Укрылась в канаве. Передо мной кустарник. «Удастся — уйду, нет — придется застрелиться». Попасть в плен партизану, особенно девушке, страшно — фашисты зверски пытали и мучили партизан. Жду. Тишина. За кустарником дорога. Я видела, как по ней в плен уводили наших ребят.

До ночи просидела в канаве. Ночью пришла в деревню Жарки. А там староста — наш человек. Пробралась в дом старосты, где меня согрели, накормили и оставили до утра.

Под утро появились немцы и вызвали старосту. Меня спрятали во дворе в соломе. Немцы пришли и во двор старосты, посветили фонариком, ушли. Взяв из деревни заложников, уехали. За мной пришла хозяйка и увела в дом.

Мы с ее сыном посмотрели по карте, как мне пробираться к переднему краю обороны, потом хозяйский сын проводил меня за большак.

И вот я совсем одна. Мне нужно было перейти шоссе, преодолеть проволочное заграждение, в котором должен быть ход, и далее перейти линию фронта. Луна. Мороз. Пошла по снегу. Страшно. Где ветка хрустнет, где ком снега упадет. Подошла к дороге, время за полночь. Собралась перебежать дорогу, наткнулась на провода. Связь! Сразу что-то загремело, и начался обстрел. Обратно в лес. Пошла по снегу. Ноги тонули в сугробах. Сердце так трепетало, что думала: или оно выскочит из груди, или лопнет. Удалившись от этого места, обнаружила блиндаж. Смотрю — ходит немецкий часовой, нога об ногу постукивает—замерз! Вижу: скрылся за углом, скрипнула дверь, жду смены, однако ее не последовало. Тут я во весь дух через дорогу. Добежала до первого дерева—тишина, никто не стреляет. Подошла к проволочному заграждению, стала искать ход, по которому перебирается дивизионная разведка. Нашла. Ползком, на спине, сантиметр за сантиметром переползла колючую проволоку. И уже оказалась на нейтральной полосе. В тот миг мне показалось, что иду целую вечность, конца и края не будет этому пути.

Увидела дымок, оказалось, землянка. Знакомая речь. Подошла ближе, меня задержал часовой. Спротивляться не стала, но и не призналась, что партизанка. В это время активно действовали власовские отряды. Поэтому старшему лейтенанту, к которому меня доставили, я сказала, что мирный житель, убежала от немцев, чтобы не отправили в Германию. Лейтенант, увидел мой автомат, усмехнулся: «Ничего себе, мирный житель!» Это была группа наших разведчиков. Так я оказалась в расположении 8-й Гвардейской панфиловской дивизии. Известно, что эта дивизия погибла, защищая Москву, но имя ее сохранили. К ним я попала в качестве задержанной и находилась под стражей до установления личности.

В это время у панфиловцев в гостях находился ансамбль Северо-Западного военного округа. Ко мне подошел майор, фамилии и должности не помню, и сказал: «Сегодня у нас концерт. Я приглашаю вас». Подобрали мне обмундирование. И вот клуб, сцена. Мне запомнилась песня:

Спит деревушка, дремлет старушка. Ждет, не дождется сынка. Старой не спится, ржавые спицы Тихо дрожат в руках. Ветер соломой шуршит в трубе. Тихо мурлычет кот в избе. Спи, успокойся, шалью укройся. Сын твой вернется к тебе.

В те минуты меня так тронула эта песня. Этот куплет на всю жизнь остался у меня в памяти. Мне вспомнилось то далекое, родное, от чего щемит душу. Вспомнила маму. Бедная моя мама, она ведь не знает, что со мной, где я. Одна, столько выстрадала, пережила в свои девятнадцать. Видя мои переживания и зная, в каком состоянии я вышла к своим, этот майор стал меня успокаивать. И когда мы прощались, сказал: «Не ходи ты туда больше, не ходи!» Однако пришлось идти вновь и вновь.

...Я находилась в составе спецгруппы партизанского подразделения в тылу врага на Псковщине. Меня вызывает командир группы и сообщает о задании,

которое мне поручают выполнить. В районе действий немецких частей дислоцируется танковая часть. Мне приказано: разыскать и уточнить место ее расположения и немедленно доложить командованию.

Отправляюсь в путь. По дороге подхожу к деревне. На опушке леса заметила танковый парк. На лужайке у первого дома толпятся немцы у полевой кухни — обед у танкистов. Они и на войне пунктуальны: 12 часов дня — обед.

Несколько солдат выскочили на улицу, схватили меня и потащили к кухне. Мою сумку с хлебом и одеждой схватил немец и со смехом, раскрутив ее, бросил в кусты. А меня стали толкать по кругу, как мяч.

Меня обуяло чувство не только жгучей ненависти к этим варварам, но и страха за свою жизнь. Что ожидает меня от этой встречи? Все непредсказуемо!

В этот миг подходит немецкий капитан, он приказывает солдатам прекратить издевательство. Обращается ко мне, спрашивает, что происходит. По-русски говорит сносно.

Я объясняю офицеру, что иду в Порхов к брату, который работает на железной дороге (это моя легенда), а солдаты меня схватили и издеваются. Он берет меня как бы под защиту. Глядя на мою истоптанную обувь, говорит, что завтра утром в Порхов пойдут машины за горючим и он устроит меня на машину. Сказал, чтобы я остановилась в доме русской «матки» (так они называли наших женщин), а завтра в шесть часов подошла к шлагбауму. Туда и направился офицер, видимо, он был дежурным по гарнизону.

Я свободна! Но мне нужно уйти из деревни и поскорее.

На крыльчке соседнего дома стояла женщина, она наблюдала за всей этой сценой. Позвала меня в дом, накормила и посоветовала убраться из деревни. Она сообщила мне, что недели две-три, как немецкая танковая часть перебазировалась в их деревню.

Срочно нужно уходить, придумали план: женщина отвязывает теленка, ведет его за веревку за деревню на лужайку. Мне дает корзинку — за грибами и ягодами в лес. Прошли полянку, кустарник и пошли дальше в лес. Женщина проводила меня еще немного, и мы расстались. Я внимательно наблюдаю, чтобы не было слежки. Кажется, все спокойно.

Спешу к своей базе, чтобы сообщить о колонне машин, как сказал мне немецкий капитан. Как только я пришла на базу и доложила, сразу же были отправлены разведчики, подрывники, минеры на Порховский большак.

Следующей ночью колонна машин, бензовозы возвращались из Порхова. Ее встретили наши партизаны и подорвали, расстреляли, словом, уничтожили горючее для немцев. Задание было выполнено.

...На всю жизнь запомнился случай, когда я получила ранение. Однажды нашу группу обнаружили немцы. Началась перестрелка. Так получилось, что мы остались втроем. Я с автоматом залегла у подножия сосны между корней. Вдруг вижу немцев, один совсем близко. Я выстрелила, он упал. Подумала, что я его убила и уже хотела посмотреть, где ребята, но вижу, он поднимается, идет на меня и стреляет. Чувствую, моя правая рука падает, как

плеть, а немец продолжает идти, но как-то медленно (видимо, я его ранила). Кое-как левой рукой мне удалось направить автомат в его сторону, и я расстреляла весь диск. Немец упал, в горячке боя я побежала искать ребят.

Ранение было тяжелым, и одному из партизан после боя пришлось меня нести на партизанскую базу то на себе, то на плащ-накидке. Я так и не узнала его имени, но благодарна ему все прожитые годы.

С партизанской базы самолетом меня доставили в полевой госпиталь. Ранение оказалось серьезным, задето легкое. От большой потери крови я потеряла сознание. Очнувшись на операционном столе, мне переливают кровь. Запомнились бородка склонившегося надо мной врача и радостный возглас девушки-медсестры, стоявшей у изголовья: «Она очнулась!» Через три недели меня, эвакуировали в город Киров. Полгода я лечилась. Однако рука не действовала. Дали мне инвалидность первой группы. Всю жизнь я живу с такой памятью о войне...

После излечения и увольнения в 22 года я уже работала председателем сельсовета. Пять колхозов были в моем хозяйстве.

Работали мы не покладая рук под девизом: «Все для фронта, все для Победы!» Это не давало расслабляться. Фронту нужны были продукты питания, одежда. И люди, недоедая, недосыпая, выполняли и перевыполняли планы поставок зерна, овощей и других продуктов сельскохозяйственного производства.

Меня величали по имени -отчеству. Все шли со своими проблемами, горестями и радостями, и это окрыляло, придавало сил, энергии и оптимизма.

После войны вышла замуж за офицера Советской Армии, пришлось помотаться по гарнизонам нашей великой необъятной страны. Везде, куда ни забрасывала военная судьба мужа, я принимала активное участие в военно-патриотическом воспитании молодых воинов.

С1993 года возглавляю Совет ветеранов партизанского движения Выборгского района. Теперь, в начале XXI века как никогда необходимо хранить память о войне.

...Считаю, что я прожила красивую и счастливую жизнь.

В,В, Валюженич участник Великой Отечественной войны, партизанка
г. Выборг

В результате анализа исторических источников были сделаны следующие выводы:

1. Воспоминания относятся к устной истории, описывают субъективный опыт переживания событий периода Великой Отечественной войны. Это важный исторический источник по реконструкции быта, взаимоотношений людей, а также событий повседневной жизни во время войны.

2. Опросы и интервью, проводимые в ходе исследования, определили деятельность ветеранов в годы Великой Отечественной войны. Были

выявлены субъективные мнения и оценки событий, которые происходили на фронте и в тылу.

3. Среди ветеранов много женщин, которые в тылу полностью заменили мужчин, работали во всех отраслях народного хозяйства, осваивали новые для них профессии.

4. Война стала страшным испытанием для каждого. Многие опрошенные ветераны в годы войны были детьми или подростками, они с горечью вспоминают о том, что их дальнейшая жизнь была разрушена и нанесена такая психологическая травма, от которой они так и не смогли оправиться. Так и не смогли получить образование, всю жизнь тяжело работали. Война разделила жизнь на две части – до войны и после. Но в плане поддержки, взаимовыручки и помощи друг другу это был лучший период.

5. Отношения между людьми в годы войны были отличными, все помогали и поддерживали друг друга, жили как одна семья. Никаких межнациональных распрей и конфликтов не было, поэтому ветеранам непонятна сегодняшняя вражда, существующая между народами бывшего СССР. Именно благодаря дружбе народов, по их мнению, победили в самой страшной из всех войн.

6. Воспоминания ветеранов о Великой Отечественной войне можно использовать как источник военно-исторической антропологии при изучении влияния войны на судьбы людей.

Ежегодно вся страна отмечает День Победы в Великой Отечественной войне. Учащиеся нашей школы вносят свой вклад в дело сохранения исторической памяти о событиях давно минувших дней. Ребята принимают активное участие в Акции «Бессмертный полк», «Цветы ветеранам».

Традиционной формой участия обучающихся в летописании Великой Победы является работа патриотического клуба, в рамках которого ученики пишут письма ветеранам Великой Отечественной войны, сочинения о войне, фиксируют воспоминания участников событий и членов их семей в «Страницы истории». Материалы краеведческой работы аккумулируются в буклеты – исторические альманахи.

Учебный предмет история обладает широкими возможностями для патриотического воспитания школьников. Именно на уроках истории, изучение героических страниц прошлого Отечества и истории родного края, дает детям возможность осознать свою причастность к истории, ощутить себя гражданами великой страны, впитать нравственные ценности.

Формирование чувства любви к Родине у подрастающего поколения способствует решению следующих задач:

- расширить мотивацию изучения истории Отечества;
- воспитать любовь и уважение к малой Родине, предкам, семье;

– привить учащимся навыки исследовательской работы с учетом возрастных особенностей мышления и интересов детей.

Историография как исторический источник

События войны стали историей. О ней написаны десятки тысяч различных работ: исследовательских, мемуарных, публицистических, художественных. Если взять отечественную историографию минувшей войны в целом, то в ней выделяется два сильно отличающихся друг от друга периода. Первый, продолжавшийся до второй половины 80-х годов, - это период советской историографии. Вторым, начавшийся с провозглашения в нашей стране перестройки и гласности, - это постсоветский или посткоммунистический период. Каждый из периодов имеет свои отличительные черты.

Рассмотрим отечественную историографию 1945-1985 гг.

Предвзятый подход к освещению истории наблюдался как в отношении Великой Отечественной войны в целом, так и ее отдельных периодов, этапов, кампаний, битв и операций. Советские историки убедительно показали героизм и мужество защитников города на Волге, подготовку и ход советского контрнаступления под Сталинградом, его результаты и международный резонанс в шеститомной истории Великой Отечественной войны. [1. С. 102].

Первой особенностью советской историографии Великой Отечественной войны была сравнительная узость ее источниковедческой базы. Советские историки получали право частичного доступа к засекреченным архивным материалам, в основном только при разработке больших официальных трудов, таких, например, как шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945».

Справедливо отмечалось, что публиковались в первую очередь мемуары военачальников. Многие из них сами в написании участвовали лишь частично, перепоручая очень многое делать своим подчиненным. Поэтому в таких мемуарах нередко освещались события, в которых авторы непосредственно не участвовали, а узнали о них из подобранных подчиненными документов.

Широкий размах получила в советский период документальная литература, основанная на воспоминаниях участников войны, литературные записки которых делали писатели и журналисты. Однако авторы таких записей в погоне за занимательностью повествования нередко приукрашивали своих героев, не проверяли сообщаемых им фактов. Поэтому, несмотря на строгий контроль за публикуемой литературой, в отдельных документальных очерках допускалось искажение истины. Так, например, в документальной книге Ю.Н.Иванова «Задание особой важности», рассказывающей о фронтовом разведчике подполковнике

С.А.Глущенко, герою приписываются многие подвиги, которых он не совершал [2. С. 207].

Поэтому отношение к мемуарам, написанным в этот период, должно быть критическим. Данный период историографии можно разделить на несколько этапов, которые были связаны со сменой первых руководителей страны и некоторыми изменениями курса КПСС. Первый этап, о котором говорилось выше, был тесно связан с культом И.Сталина.

Почти всё, писавшееся в то время о войне СССР с Германией, являлось разъяснением положений и идей Сталина. Обычно никаких самостоятельных основополагающих мыслей авторами не высказывалось. Успехи приписывались мудрому руководству «вождя народов», а неудачи объяснялись только внезапностью нападения и вероломством противника, просчеты нашего руководства исключались.

В целом историческая литература о Великой Отечественной войне, опубликованная в 1946-1956 гг., носила преимущественно научно-популярный характер и не давала ответ на многие коренные вопросы минувшей войны. Исследования не имели необходимой источниковой опоры, невелика была научная ценность.

Второй этап советской историографии ведет свой отсчет с XX съезда КПСС и осуждения культа Сталина. Он продолжался до смещения Хрущева в 1964 г. с поста руководителя партии и государства.

Историкам и публицистам была предоставлена возможность критиковать ошибки Сталина. Наиболее крупным и определяющим для этого этапа явился шеститомный труд «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945», опубликованный в 1965-1969 гг. [3. с.114-121]

По сравнению с ранее публиковавшимися работами по истории Великой Отечественной войны источниковая база шеститомного труда расширилась неимоверно. Много документов и архивных материалов было введено в научный оборот впервые. Огромное количество фактического материала, содержащееся в шеститомнике, стало неоценимым источником для последующих исследователей, работающих над проблемами истории минувшей войны.

Разработчики труда основывались на принятом в июне 1956 г. постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» и основные усилия прилагали к тому, чтобы прежде всего раскрыть решающую роль народных масс в войне и гигантскую организующую и руководящую деятельность Коммунистической партии по мобилизации народных масс на борьбу с врагом.

В это же время были опубликованы источники по вопросам истории советского тыла в годы войны [4. С. 86, с. 47, с. 109, с. 91, с. 79]

В них раскрывались закономерности развития военной экономики СССР, функционирование ее отдельных отраслей и регионов, истоки самоотверженности и героизма тружеников тыла, деятельность местных партийных организаций и органов власти. Однако специальных обобщающих трудов о советском тыле разработано не было.

Популярными на втором этапе стали военные мемуары. Их фонд в эти годы пополнился примерно 500 новыми книгами, что в пять раз больше, чем в предшествовавшие десять лет. Публиковались в основном воспоминания советских военачальников, в первую очередь командующих и членов военных советов армий и фронтов [5. С. 34, с. 57, с. 103].

Это был этап оживления советской историографии, связанный с критикой культа Сталина. Он закончился в середине 60-х гг. после смещения Н.С.Хрущева и прихода к руководству КПСС Л.И.Брежнева, и продолжался более двух десятилетий.

Начинается следующий третий этап. Для него стал характерен возврат к ряду положений, которые были свойственны первому этапу. Критика культа Сталина стала более мягкой. Писали не только о допущенных им ошибках, но и о заслугах. Происходила своеобразная реабилитация сталинизма. Контроль за публикуемой военно-исторической литературой со стороны ЦК КПСС стал более строгим. Оттепель постепенно сменялась новым похолоданием.

Наиболее влиятельным и типичным для данного этапа явилась двенадцатитомная «История второй мировой войны 1939-1945 гг.», разработка которой велась в соответствии с постановлением ЦК КПСС, созданным в 1966 г. Институтом военной истории Министерства обороны СССР совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и институтами истории СССР и всеобщей истории АН СССР [6. С. 206]. В этом труде наглядно отразились и достижения, и недостатки советской историографии Великой Отечественной войны на третьем этапе.

В двенадцатитомнике были раскрыты различные стороны и процессы, особенности и характерные черты войны, ее предыстория, ход и исход, итоги, последствия и уроки, их значение для современности. Этот труд стал первым фундаментальным обобщением истории второй мировой войны не только в советской, но и мировой историографии. Он был переведен и опубликован во многих странах.

Новыми работами пополнилась историография Сталинградской битвы [7. С. 59]. Был опубликован ряд солидных монографий о Курской битве [8. С. 118]. В них обстоятельно воссоздана картина сражений под Курском, введен в научный оборот широкий круг документов и новых статистических данных, раскрыты особенности военного искусства советских войск в этой битве.

В конце 60-х и в 70-е годы в СССР было опубликовано немало трудов о действиях Советских Вооруженных Сил на заключительном этапе войны, их участии в освобождении от фашизма стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы [9. С. 83]. В подготовке таких трудов вместе с историками участвовали некоторые видные советские военачальники, которым предоставлялся более широкий доступ к важным архивным документам, а это способствовало повышению научного уровня трудов. В 1971 г. вышла в свет коллективная монография, в которой была всесторонне рассмотрена освободительная миссия Советских Вооруженных Сил [10. С 140].

Смерть Л.И.Брежнева, а затем недолгое правление Ю.В.Андропова и К.У.Черненко привели к изменению обстановки в стране. Начались изменения и в отечественной историографии. На смену советской историографии пришла постсоветская.

В середине 1980-х годов, с начала периода демократизации общественной жизни в нашей стране, периода гласности, произошел коренной перелом в советской историографии Великой Отечественной войны, радикальное обновление проблематики исследований. Было покончено с идеологическим кураторством над исторической наукой со стороны КПСС, была отменена цензура. Появилась возможность свободно выражать свои взгляды на любые исторические проблемы, в том числе и на проблемы истории Великой Отечественной войны.

История Великой Отечественной войны хранит примеры героизма тысяч и тысяч советских воинов. Как установил за многие годы исследовательской работы А. Коваленко, за годы войны более 600 раз советские лётчики таранили вражеские самолёты, более 500 экипажей повторили подвиг Н. Гастелло и его боевых товарищей. Исследователю удалось установить имена 470 воинов, повторивших подвиги политрука Александра Панкратова и рядового Александра Матросова [11. С. 69].

Историки постоянно возвращались и будут возвращаться к переосмыслению множества событий, фактов, личностей, зафиксированных в исторической памяти. Историю надо стремиться писать такой, какой она была. При этом у каждого историка должно быть элементарное уважение к истории своей страны, к тем поколениям соотечественников, которые были участниками исторических событий, тем более такого эпохального события, каким стала Великая Отечественная война.

II ГЛАВА. ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.

2.1. Общая характеристика исторических источников.

Документы личного происхождения — собирательное наименование совокупности письменных исторических источников, созданных в частном порядке с целью самовыражения, самоосознания, самоутверждения личности автора. В источниковедении принято различать три главные их разновидности: личные дневники, частную переписку, воспоминания.

В основе различения — критерий адресности документа. Поверяя бумаге свои наблюдения, мысли, чувства, автор дневника обычно не предполагает постороннего читателя. Он как бы смотрит в зеркало.

Воспоминания адресуются многочисленным неизвестным автору читателям. Очевидно, что каждой из указанных разновидностей документов личного происхождения присущи во многом отличные приемы реализации целевых установок автора.

Любой документ личного происхождения содержит непосредственную информацию о его творце и опосредованную — об описываемых им событиях. Особенности конкретных источников данного вида обусловлены индивидуальностью их создателей.

Содержание документов личного происхождения часто полифонично: один и тот же автор может оставить в них свидетельства, существенные для изучения очень разных тем. Поэтому единая общепринятая классификация этого вида источников не выработана. Наибольшее распространение получила группировка по двум признакам: 1) преобладающего тематико-хронологического содержания (например, о Столыпинской аграрной реформе, о Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.); 2) социально-профессиональной принадлежности авторов (например, к дворянству или крестьянству, к дипломатам или военным). Такое деление во многом условно, но оно позволяет фокусировать внимание на основном содержании источника и выделять то особенное, что характеризует позицию автора по отношению к описываемым событиям.

Сохранение документов личного происхождения зависит, прежде всего, от воли авторов и тех лиц, в собственности или распоряжении которых эти документы находились. Поэтому первоначально они откладываются главным образом в личных архивах. Но достаточно быстро дневники, частная переписка, воспоминания государственных и общественных деятелей, литераторов, ученых становятся объектом коллекционирования и собирания. В XIX — начале XX вв. значительные коллекции таких источников отложились в Публичной библиотеке и в архиве Академии наук в Петербурге, в Публичной библиотеке Румянцевского музея и в Историческом музее в Москве, в библиотеках и музеях других университетских центров. Наиболее полные сведения о нахождении личных архивных фондов, поступивших на государственное хранение, содержит справочник «Личные архивные фонды в государственных архивохранилищах

СССР»[12.с. 47]. Только немногими хранилищами (как, например, отделом рукописей преемницы Публичной библиотеки Румянцевского музея — Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина) изданы указатели находящихся в них рукописей дневников и воспоминаний [13. С. 38].

1. Личные дневники

Такие дневники содержат записи личного характера, ведущиеся в частном порядке изо дня в день. Как все документы личного происхождения они бывают разномасштабны — по социально-профессиональному положению авторов (императоры, министры, светские дамы, писатели, ученые, инженеры и т.д.), по хронологическому охвату описываемых событий (десятилетия, несколько лет, недели и даже дни). В каждом конкретном случае ценность дневников как исторического источника определяется для исследователей той информацией, которую он может извлечь из них для своей темы. По сравнению с письмами и воспоминаниями, дневники представляют собой более непосредственную форму самовыражения, самоосознания, самоутверждения личности — в идеале наедине с собой.

Можно выделить три группы личных дневников, которые авторы ведут «для себя»: 1) *дневники-хроники*, в которых, преимущественно для памяти, отмечаются день за днем существенные для автора события;

2) *дневники-фотографии*, в которых авторы стремятся зафиксировать информацию, представляющую для них служебный или профессиональный интерес (нередко в таких дневниках цитируются личные письма, документы, дается оценка упоминаемых событий и т.д.) — это материал, к которому обращаются постоянно;

3) *дневники-размышления*, часто нерегулярные заметки, поводом для которых обычно становятся общественно-значимые события, в наибольшей степени характеризуют гражданскую позицию автора.

2. Частная переписка

Частное письмо — это письменное личное обращение автора к определенному адресату. Такое обращение, как правило, предполагает ответ корреспондента. Возникает переписка, которая выполняет функцию заочного личного общения. «Нужно же кому-нибудь высказаться, — замечал генерал А.А.Брусилов в письме с фронта жене и тут же прибавлял: «Только сердечно прошу никому ни слова не говори» [14.с. 185].

Не всякое личное письмо является частным. Так, следует иметь в виду, что личные письменные обращения, адресованные должностным лицам, в государственные учреждения, в общественные организации, в редакции газет и т.д. становятся частью делопроизводственной документации получателя.

Устойчивыми формальными элементами частного письма являются: указание адресата, даты и места написания, обращение к адресату, подпись автора. Содержание частного письма не регламентируется; в нем могут быть затронуты любые общественные или личные вопросы, представляющие интерес для обоих корреспондентов.

Письма, в которых сообщается о заведомо общественно значимых событиях, традиционно используются как исторические источники.

Другое дело — письма, цель которых сообщить сугубо личные сведения, имеющие значение, казалось бы, только для корреспондентов, но отнюдь не для историков. Таковы, в частности, письма 57-летнего вдовца А.А.Брусилова к 45-летней Н.В.Желиховской, в которую в молодости он был тайно влюблен, но затем почти на 20 лет потерял из вида [15. С. 12-26]. Разумеется, один и тот же человек по-разному пишет различным корреспондентам, приспособлявая свое сообщение к интересам, вкусам, уровню грамотности адресата.

Частная переписка наиболее непосредственно по сравнению с другими разновидностями документов личного происхождения отражает взаимоотношения людей. Но для историка она бывает важна также ненамеренными свидетельствами об интересах и занятиях корреспондентов.

3. Воспоминания

Воспоминания (синоним — мемуары) — литературные произведения, написанные от лица автора и повествующие о событиях и людях, современником которых он был. Обычно они включают и жизнеописание самого автора. Как литературный жанр воспоминания занимают промежуточное положение между произведениями художественной литературы и научными сочинениями по истории. Отличительная особенность воспоминаний в том, что основой для их написания являются память и жизненный опыт автора. Однако воспоминаний, написанных исключительно по памяти, мало. Как правило, мемуаристы используют также собственные дневники и письма, относящиеся к описываемому времени документы, воспоминания современников, материалы опубликованных научных исследований и т.д. Некоторые авторы включают в воспоминания документы, в создании которых они принимали участие. Но в их подборе, как и в воспроизведении личных впечатлений, всегда проявляется субъективность мемуариста.

В отличие от личных дневников и частных писем, воспоминания изначально создаются в расчете на ознакомление неизвестных автору читателей. Поэтому мемуаристы часто используют литературные приемы, облегчающие восприятие текста (например, излагают содержание беседы в форме прямой речи ее участников), создающие впечатление высокой степени достоверности сообщаемых сведений (например, имитируют синхронность сделанных автором записей описываемому событию) и т.п. Автор воспоминаний может привлечь для их записи или обработки литературного помощника. Стремясь создать удобочитаемый текст, такой помощник неизбежно влияет не только на стиль, но и на содержание произведения.

Включение в процесс создания текста воспоминаний помимо титульного автора литературного помощника, политического редактора-цензора и других лиц делает понятие авторства применительно к мемуарам часто более широким и менее определенным, нежели понятия «автор личного дневника» и «автор частного письма». Поэтому выяснение персонального состава авторского коллектива и места каждого из его членов в творческом процессе создания мемуарного произведения — неперемнное условие научного использования таких воспоминаний.

Для того, чтобы воспоминания могли дойти до массового читателя, необходимо их опубликовать. Ни авторы личных дневников, ни авторы частных писем обычно не предполагают их публикации. В дореформенной России мемуаристы писали преимущественно для потомков, без расчета на скорое напечатание. Преобладающей формой воспоминаний было пространное, хронологически последовательное жизнеописание автора.

С другой стороны, публикация воспоминаний в прессе не могла не оказать влияния на сам литературный жанр этих сочинений. Получили распространение тематические воспоминания об отдельных событиях, эпизодах, в которых участвовал автор. Часто такие воспоминания заказываются редакторами и издателями конкретным авторам. Они пишутся специально для публикации в определенном органе печати. В этом случае время от написания автором воспоминаний до их напечатания становится очень кратким.

Публицистичность воспоминаний, созданных специально «для печати», нередко побуждает их авторов, по прошествии времени, готовить новую версию, что-то дополнительно «вспоминая» или же, наоборот, что-то «забывая».[16. С. 352-369].

Заключение

Среди различных видов источников по истории Великой Отечественной войны большое место занимают воспоминания участников борьбы на фронте и в тылу. Эти воспоминания, как и вообще мемуары, являются для исследователя вспомогательными, дополнительными источниками. Свидетельства непосредственных участников событий нередко раскрывают такие стороны действительности, которые часто не могут найти отражения в других материалах.

В числе авторов воспоминаний о Великой Отечественной войне имеются участники борьбы на фронтах, деятели партизанского движения и подпольной работы во вражеском тылу, работники промышленности и сельского хозяйства. В воспоминаниях рассматриваются периоды войны, действия различных родов войск, партизанских отрядов, подпольных групп, различных людей.

Литературная запись как исторический источник крайне противоречива. С одной стороны, ей свойственна строгая последовательность и фактичность событий, конкретность характеристики людей в их непосредственной практической деятельности, в реальных условиях их жизни и борьбы. В этом отношении литературная запись тесно смыкается с мемуарами и является источником мемуарного типа. С другой стороны, вторжение литератора в написание воспоминаний неизбежно вносит определенные черты, свойственные художественному произведению. Писатель широко использует право на беллетризацию, рассматривая воспоминания уже как художественное произведение, причем такая беллетризация в известной степени обесценивает литературную запись как исторический источник.

В ходе работы я ознакомилась с воспоминаниями участников о Великой Отечественной войне как историческим источником, смогла оценить информационные возможности воспоминаний как источника по истории Великой Отечественной войны.

Исходя из поставленной цели, я решила поставленные задачи:

- охарактеризовала мемуарные источники по истории Великой Отечественной войны;
- собрала воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны как исторический источник ;
- проанализировала полученную информацию и дала ей историческую оценку;

Я сделала следующие выводы

1. Воспоминания относятся к устной истории, описывают субъективный опыт переживания событий периода Великой Отечественной войны. Это важный исторический источник по реконструкции быта, взаимоотношений людей, а также событий повседневной жизни во время войны.
2. Опросы и интервью, проводимые в ходе исследования, определили деятельность ветеранов в годы Великой Отечественной войны. Были выявлены субъективные мнения и оценки событий, которые происходили на фронте и в тылу.
3. Среди ветеранов много женщин, которые в тылу полностью заменили мужчин, работали во всех отраслях народного хозяйства, осваивали новые для них профессии.
4. Большинство ветеранов были заняты в сельском хозяйстве, трудились день и ночь, голодали, отдавая все фронту, поддерживали воюющих мужчин, делали все возможное для победы. Те, кто был на оккупированной территории, были угнаны на принудительные работы в Германию и прошли через концлагеря.
5. Война стала страшным испытанием для каждого. Многие опрошенные ветераны в годы войны были детьми или подростками, они с горечью вспоминают о том, что их дальнейшая жизнь была разрушена и нанесена такая психологическая травма, от которой они так и не смогли оправиться. Так и не смогли получить образование, всю жизнь тяжело работали. Война разделила жизнь на две части – до войны и после. Но в плане поддержки, взаимовыручки и помощи друг другу это был лучший период.
6. Отношения между людьми в годы войны были отличными, все помогали и поддерживали друг друга, жили как одна семья. Никаких межнациональных распрей и конфликтов не было, поэтому ветеранам непонятна сегодняшняя вражда, существующая между народами бывшего СССР. Именно благодаря дружбе народов, по их мнению, победили в самой страшной из всех войн.
7. Воспоминания ветеранов о Великой Отечественной войне можно использовать как источник военно-исторической антропологии при изучении влияния войны на судьбы людей.

Воспоминания — это не только бесстрастная фиксация событий прошлого, это и исповедь, и оправдание, и обвинение, и раздумья личности. Воспоминания по большей степени своей субъективны, однако, это не уменьшает их значимость как исторического источника, ведь именно

воспоминания несут «дух» той эпохи, о которой повествует человек, настроения, несут отпечаток личности повествующего. Немаловажное значение имеет и объект воспоминаний: событие или личность, о которых повествуется.

Большое значение имеет время, прошедшее от события до повествования о нем в воспоминаниях. Чем длиннее временное расстояние, тем больше вероятность искажения, утраты деталей, забывчивости имен и фамилий и пр. Вместе с тем временная дистанция дает возможность более спокойно оценить прошлое, объективно взглянуть на собственную персону, более взвешенно расставить акценты, выделить главное из частного и т. д.

Список использованной литературы и источники

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. [с. 102] – 6-ти т. – М., 1960-1965.
2. Иванов Ю.Н. Задание особой важности: Докум. повесть. [с. 207] – М., 1979.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. [С.114-121] – М., 1965-1969.
4. Кравченко Г.С. Военная экономика СССР, 1941-1945. [с. 86] – М., 1963; Морехина Г.Г. Рабочий класс – фронту. [с. 47] – М., 1963; Митрофанова А.В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941-1942). [с. 109] – М., 1964; Липатов Н.П. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). – М., 1960; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. [С. 91] – М., 1963; Абишев Г. Казахстан в Великой Отечественной войне. 1941-1945. – Алма-Ата, 1958; Куманев Г.А. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). [с. 79] – М., 1963 и др.
5. Батов П.И. В походах и боях. – [с.34]М., 1962; Белобородов А.П. Ратный подвиг. – М., 1960; Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. [с. 57]– М., 1961; Болдин И.В. Страницы жизни. – М., 1961; Воронов Н.Н. На службе военной. – М., 1963; Красовский С.А. Жизнь в авиации. – М., 1960; Сандалов Л.М. Пережитое. – М., 1961; Трибуц В.Ф. Подводники Балтики атакуют. – Л., 1963; Чуйков В.И. Армия массового героизма. [с. 103] – М., 1958 и др.
6. История второй мировой войны 1939-1945 гг.– Т.1-12. [с. 206] – М., 1973-1982.
7. Сталинград: Уроки истории. Воспоминания участников битвы. – М., 1976; Чуянов А.С. На стремнине века. [с. 59] – М., 1976 и др.
8. Курская битва. – М., 1970; Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. – М., 1970; Битва на Курской дуге. [с. 118] – М., 1975 и др.
9. Будапешт – Вена – Прага. – М., 1965; За освобождение Чехословакии. – М., 1965; Великий освободительный поход. – М., 1970; Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, 1944-1945. [с. 83] – М., 1970 и др.
10. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. [с. 140] – М., 1971.
11. Коваленко А. Правда о Матросове и матросовцах. [с. 69] – М., 1994.
12. Личные архивные фонды в государственных архивохранилищах СССР [с. 47] (Т. 1-3. М., 1962, 1963, 1980)
13. Воспоминания и дневники XVIII —XX вв. Указатель рукописей. [с. 38] М., 1976
14. ГА РФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 69. Л. 241 об. [с. 185] А.А. Брусилов — Н.В. Брусиловой. 10 октября 1916 г. Рукопись. Автограф.

15. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». № 5. [С. 12-26]. О значении писем А.А.Брусилова к Н.В.Желиховской как исторического источника см.: Голиков А.Г. Генерал А.А.Брусилов: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история. 1998. №4.

16. Источниковедение Отечественной истории Под общей редакцией профессора А.Г. Голикова [с. 352-369].

17. Текущий архив музея МБОУ СОШ № 6. «Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны».

<https://infourok.ru/backOffice/achievement>

ПРИЛОЖЕНИЕ



Борис Иванович Шувалов.
Выборг. 2005



Санинструктор Вера Лабутина.
Пулковские высоты. 1942



Вера Лабутина среди участников самодеятельности батальона. 1942



Майор Александр Юдин.
1943



**Гвардии сержант медицинской
службы Дина Качалова.**
Казань. Госпиталь. Август 1944



**Гвардии сержант
Владлен Горбулёв.**
Берлин. 1945



Вероника Валуженич.
Май 1944



Александр Николаевич Юдин.
Полковник в отставке.
Выборг. 2006